

Император изо всех сил перевел дыхание и, глядя на наследного принца, произнес:

— Чиновники... не должны... соперничать с народом за выгоду. Даже если твои помыслы чисты и направлены на благо народа, как только власть вмешается в торговлю, этот Новый закон в один прекрасный день станет лишь орудием в руках казнокрадов и взяточников, превратится в притон для грабежа и угнетения подданных! Будь у Меня еще три года, Я обязательно показал бы тебе все эти изъяны наяву, а теперь... боюсь... боюсь...

Наследный принц не успевал осмыслить наставления венценосного отца, но, видя его отчаянный взгляд, поспешил успокоить:

— Ваш покорный слуга все понял! Отец-Император, не волнуйтесь!

Император словно истратил последние силы. Едва приподнятая голова медленно опустилась обратно на подушку. Угасающий взор уставился в пустоту, и он едва слышно спросил:

— Где пятый?

Наследный принц сжал руку Императора и с дрожью в голосе произнес:

— Пятый брат... немного натерпелся в лагере киданей, поэтому я дерзнул отправить его восстанавливать силы во дворец.

— Домой — это хорошо... Хорошо, что вернулся, — на лице Императора мелькнуло облегчение, веки стали медленно опускаться, и он едва слышным шепотом повелел: — Седьмой, подойди... Расскажи Мне и твоей матушке-наложнице сказку... Только не «Хоу И сбивает солнца», давай другую.

Наследный принц крепче сжал руку отца, уткнулся лицом в рукав, вытирая слезы, и, глубоко вздохнув, попытался вымолвить глуховатым, наивным голосом младшего брата:

— Может, Ваш покорный слуга расскажет Отцу-Императору «Цзинвэй заполняет море»?

Император закрыл глаза, сухие губы согнулись в легкой улыбке, словно он беззлобно посмеивался над Седьмым, который так и не выучил ничего, кроме пары старых притч.

Его тело все еще неподъемным грузом покоилось на ложе, но душа уже находилась среди родных — жены и детей, слушая, как пухленький Седьмой рассказывает древние преданья.

Дети в его воспоминаниях становились все меньше и меньше. Даже не по годам серьезная наследная принцесса в его глазах казалась шестилетним малышом-кочерыжкой, а те, кто был еще младше, постепенно растворялись один за другим.

В конце концов даже Цзиньань скрылся в ярком белом тумане.

Император растерянно огляделся, точно пытаясь хоть что-то удержать, и дымка перед ним слегка рассеялась. В ней возникла женщина в венечной короне и свадебных одеждах с ослепительной улыбкой. Это была его супруга — такая же, как в девятнадцать лет, в день их бракосочетания.

Молодая девушка, только что ставшая княгиней, застенчиво вскинула взор и смущенно улыбнулась мужчине, который тогда еще не был Императором. В ее улыбке таилось трепетное, глубокое чувство, и она тихо шепнула:

— Второй господин, уже поздно, пойдёмте домой.

...

— Отец-Император!

— Отец-Император!

Девятого дня пятого месяца тридцать второго года правления Линьань Император скончался.

*

Наследный принц сообщил, что второй принц привел подкрепление из провинций.

Спустя несколько дней, увидев, как основные силы возвращаются в столицу, а армия семьи Тун отступает на юг, оставив на границе лишь императорскую гвардию, Лу Цзыяо наконец смог перевести дух.

Всё-таки наследный принц умел урезонить третьего принца.

Теперь, когда подросли подкрепления и погони больше не было, Лу Цзыяо перестать нестись сломя голову. Он не стал следовать совету наследного принца отдохнуть в постоялом дворе, а отправился обратно той же дорогой — к стогу сена, где той ночью расстался с пухлым малышом.

Полагаясь на память, он двинулся в ту сторону, куда карапуз увлек за собой преследователей, точно насадка в поисках цыпленка погружаясь в бескрайнюю пустыню.

Лу Цзыяо всегда считал, что отлично ориентируется на местности, но, оказавшись в пустыне, понял, что беспомощен, как слепой.

Потратив двадцать лянов серебра, он нанял возле почтовой станции супружескую пару средних лет с верблюдами, чтобы те помогли ему с поисками в пустыне.

Побродив весь день, старик, ведавший верблюдами, спросил его:

— А сколько дней назад твой родственник потерялся в этой пустыне?

Лу Цзыяо ответил, что прошло уже пять дней.

Старик замолчал, переглянулся со своей старухой и повернулся к Лу Цзыяо:

— Если не найдем, деньги не вернем.

Лу Цзыяо не стал ему отвечать.

Не могло быть такого, чтобы он не нашел малыша — еще этим утром система уведомила его, что уровень чувства безопасности упал на два пункта.

Толстячок наверняка где-то послушно ждет, когда маленький компаньон заберет его домой и покормит молоком.

Эти непрерывные изменения уровня безопасности оставались единственной нитью, связывавшей Лу Цзыяо и Лу Цзяня.

Порой чувство безопасности не менялось по несколько часов подряд, и Лу Цзыяо казалось, что он вот-вот задохнется. Лишь когда звуковой сигнал системы раздавался вновь, он мог сделать вдох и продолжить поиски.

Выбравшись из пустыни на восток, он наконец начал встречаться с приграничными инородческими племенами.

Лу Цзыяо расспрашивал местных жителей, не видели ли они ханьского мальчика лет четырнадцати-пятнадцати, такого же роста, как он сам, с пухлыми щеками и заостренным подбородком, который часто рассказывает сказки в обмен на молоко.

Большинство местных не говорили по-ханьски, но один гостеприимный житель привел к Лу Цзыяо деревенского парня, немного понимавшего ханьский язык.

Узнав, что разыскивается ханьский мальчик, деревенский тут же сообщил Лу Цзыяо, что в их деревне в последнее время появлялось немало ханьцев, и среди них действительно было двое подростков лет четырнадцати-пятнадцати.

Один из них посреди ночи пробрался в овечий загон и тайком доил овец, чтобы попить молока, а вчера его поймали с поличным.

Деревенский уставился на Лу Цзыяо оценивающим взглядом, точно спрашивая, не того ли воришку тот ищет.

Проводники — супруги средних лет — тоже подозрительно уставились на Лу Цзыяо.

Лу Цзыяо тут же твердо заявил:

— Тот, другой — вот кого я ищу!

Хотя на самом деле у него поджилки тряслись, и больше всего на свете ему хотелось схватить этого жителя и потребовать, чтобы тот незамедлительно отвел его к воришке.

Красть молоко — это абсолютно в духе его подопечного!

Сто процентов он!

Узнав, что искали другого парня, житель мгновенно расплылся в добродушной улыбке и рассказал, что тот подросток помог их соплеменникам разгромить шайку ханьских разбойников и вернул всё награбленное добро владельцам. Настоящий молодой герой!

Супружеская пара снова с сомнением посмотрела на Лу Цзыяо.

Лу Цзыяо тут же с важным видом кивнул:

— Точно, это он! Это наш мальчик! С малых лет обучен мудрости предков, невероятно душевный и благородный!

Сделав вид, что гордится этим образцовым юношей, Лу Цзыяо установил с ним фиктивное родство, а затем оттащил местного жителя в угол и шепотом спросил:

— А где сейчас тот мальчик, что пил овечье молоко? Возможно, он мой знакомый. Отведи меня к нему. Сколько он вашего молока выпил? Я возьму в двойном размере.

Житель тут же отвел Лу Цзыяо к лачуге, где заперли маленького воришку.

Но это оказался вовсе не его толстячок.

Запертому юноше на вид было лет шестнадцать-семнадцать, черты лица выглядели взрослее, чем у карапуза, а кожа потемнела и огрубела — должно быть, за эти дни солнце и песчаные бури пустыни высушили его до того, что губы потрескались.

Хотя они не были знакомы, Лу Цзыяо, истосковавшийся по своему подопечному, пожалел чужого ребенка. Он выкупил юношу у жителей, дал ему денег на дорогу и, ничего не расспрашивая, попрощался с ним.

Теперь оставался лишь тот самый доблестный храбрец.

Трезво оценивая ситуацию, Лу Цзыяо понимал, что маленький герой вряд ли мог оказаться его толстошеким карапузом, однако все же расспросил жителя о том, куда тот направился.

Житель ответил, что, когда мальчик возвращал награбленное, с ним были двое старших. Один из них — седовласый старик с лицом младенца — часто пил вино в харчевне у въезда в деревню. Ходил он где вздумается, но раз в два-три дня непременно спускался к подножию горы за вином.

*

Лу Цянь блуждал уже больше получаса. Подняв голову, он с досадой заметил, что деревья вокруг кажутся знакомыми — словно он опять вернулся в то место, откуда начал.

— Мальчишка, не трать силы попусту! Без старика вроде меня тебе ни за что не выбраться из этого лабиринта!

Посмотрев на звук, он увидел, что седовласый старик действительно все так же восседает на прежней ветке.

В порыве гнева Его Высочество решил поддаться отчаянию: скрестив ноги, опустился прямо на землю и сердито пригрозил:

— Я заявлю властям!

— Если преступник, вырезавший город, отправляется к страже, это называется не заявлением, а явкой с повинной, — хмыкнул старик на дереве. — И если кто и пойдет к властям, так это я, чтобы схватить тебя, малолетнего преступника.

— Я никого не вырезал!

— Ладно, пусть ты Лу Цзыяо, но заявить на тебя всё равно нужно!

Лу Цянь проигнорировал его. Отдохнув немного, он поднялся на ноги, выхватил клинок и с размаху сделал глубокую зарубку на ближайшем дереве.

— Ты что делаешь? — тут же выпрямился старик.

— Оставляю метки, — ответил Лу Цянь и, сделав шаг к следующему дереву, точно так же чикнул клинком по коре.

— Не смей рубить деревья! Это же мошенничество! — старик спрыгнул вниз и встал перед стволом, не давая ему нанести удар.

Лу Цянь насупился и уставился на него:

— Я очень занят. Мне нужно возвращаться в столицу.

— Да кто ты вообще такой? И куда тебе так надо? Если откроешь свое настоящее имя, я тут же выведу тебя отсюда.

Лу Цянь холодно отвернулся:

— Лу Цзыяо сказал, что раскрывать личность нельзя.

— А кто такой Лу Цзыяо?

Лу Цянь ничего не ответил.

Прошлой ночью старик Сюй слышал, как мальчик во сне бормотал: «Лу Цзыяо, положи мне еще ложечку меда», так что его дело вовсе не казалось таким уж спешным.

— Если ты так торопишься домой ради меда, — искушающе заговорил старик, — у нас на заднем склоне живут дикие пчелы. Захочешь — свежий мед будет у тебя в любой момент.

— Кто сказал, что я хочу меда?

Однако животик Его Высочества тут же с громким урчанием предал своего хозяина.

Услышав громкое урчание в животе у ребенка, старик с улыбкой поманил его рукой:

— Пошли сначала поедим досыта, а там видно будет. Старик Цю сегодня принес пару цзиней свиной головы!

<http://bllate.org/book/18379/1767202>